

## Диалектная основа первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна

Безенова Мария Петровна, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск),  
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); [mary\\_kaj@mail.ru](mailto:mary_kaj@mail.ru)

Статья посвящена описанию морфологических особенностей первых рукописных переводов Евангелия от Иоанна начала XIX в. Целью исследования является определение диалектной основы этих источников.

В работе описаны основные грамматические категории имени существительного (число, притяжательность, падеж) и глагола (залог, наклонение, время), а также неспрягаемые формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие). Источниковой базой исследования послужил корпус рукописных текстов первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и в Российском государственном историческом архиве. Анализ проведен методом сопоставления языкового материала памятников с данными удмуртского литературного языка и его диалектов. Предпринята попытка определения инновационного либо архаичного характера всех зафиксированных в исследуемых письменных источниках особенностей.

В результате анализа в рукописях был выявлен ряд инноваций, на основе которых можно судить о диалектной принадлежности письменных памятников. Соотнесение этих особенностей с современными удмуртскими диалектами позволило предположить, что в основе рукописей лежат говоры верхнечепецкого и среднечепецкого диалектов северного наречия. В памятниках также были зафиксированы некоторые архаизмы, которые на сегодняшний день уже не встречаются в севернoudмуртских говорах. Кроме того, в рассмотренных текстах, как и в других письменных источниках этого периода, отчетливо прослеживается орфографическая норма, согласно которой к основам, оканчивающимся на гласные и мягкие согласные, присоединяются морфологические показатели с *и*-овой инициалю, а в остальных случаях употребляются *ы*-овые форманты.

**Ключевые слова:** удмуртский язык, памятники письменности, Евангелия, морфологические особенности, диалекты удмуртского языка

### DIALECT BASIS OF THE FIRST UDMURT TRANSLATIONS OF THE GOSPEL OF JOHN

Maria P. Bezenova,  
Udmurt Institute of History, Language and Literature Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk),  
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); [mary\\_kaj@mail.ru](mailto:mary_kaj@mail.ru)

The article focuses on the morphological features of the first manuscript translations of the Gospel of John made at the beginning of the 19th century. The aim of the study is to determine the dialect basis of these sources.

The paper describes the main grammatical categories of the noun (number, possessiveness, case) and verb (voice, mood, tense) as well as non-finite forms of the verb (infinitive, participle, gerund). The study is based on the corpus of handwritten texts that includes the first Udmurt translations of the Gospel of John, stored in the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences and in the Russian State Historical Archive. The analysis has been carried out by comparing the linguistic data collected from the sources with the Udmurt literary language and its dialects in order to determine the innovative or archaic nature of the features identified in the sources under analysis.

The analysis reveals a number of innovations, which indicate the dialect affiliation of the written records. The correlation of these features with modern Udmurt dialects suggests that the Upper-Cheptsá and Middle-Cheptsá dialects of the Northern dialect are the basis of the manuscripts. The sources also witness to a number of archaisms, which today can no longer be found in the Northern Udmurt dialects. In addition, in the texts under analysis, as well as in other written sources of this period, the spelling norm can clearly be traced, according to which the morphological indicators with an *u* initial are attached to stems ending in vowels and soft consonants, and in other cases the *ы* formants are used.

**Keywords:** the Udmurt language, written record, Gospels, morphological features, Udmurt dialects

Описание морфологических особенностей рукописи, хранящейся в СПбФ АРАН, выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МК-1631.2022.2 «Корпус первых удмуртских переводов Евангелий». Анализ морфологии рукописи из РГИА выполнен при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных».

## 1. Введение

На сегодняшний день известно о двух переводах Евангелия от Иоанна на удмуртский язык начала XIX в.<sup>1</sup> Оба варианта не были опубликованы, находятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 94, оп. 1, д. 244, 61 л.) и в Российском государственном историческом архиве (ф. 808, оп. 1, 1821 г., д. 177). Рукопись, хранящаяся в СПбФ АРАН, ранее уже была рассмотрена в нескольких статьях (см. [Ившин 2012; Камитова, Ившин 2012; Кайсина 2013]). Второй вариант перевода из РГИА, напротив, еще не становился объектом лингвистических исследований.

По данным П. Н. Луппова, над переводом Евангелия от Иоанна в начале XIX в. работали «священник с. Дебесь Павелъ Тропинъ и священник с. Балезинскаго Стефанъ Анисимовъ» [Луппов 1905: 11], т. е., по всей видимости, перевод был выполнен «по глазовскому нарѣчію». Однако в работе [Камитова, Ившин 2012: 15] авторы отмечают, что в тексте [Иоанн АРАН] «есть ряд слов, которые характерны именно для глазовского диалекта, входящего в северную диалектную группу {...}. С другой стороны, в некоторых словах присутствуют фонетические особенности, которые в начале XX в., судя по материалам словаря [Wichmann 1987], были свойственны сарапульскому и малмыжскому диалектам, относящимся к срединной группе». При этом анализ фонетических особенностей рукописи [Иоанн АРАН] также указывает, что данный перевод ближе к изданной в 1847 г. удмуртской Азбуке на сарапульском, а не на глазовском наречии [Кайсина 2013: 106].

Как видим, вопрос диалектной основы первых рукописных переводов Евангелия от Иоанна на сегодняшний день остается открытым. В связи с этим в рамках данной статьи мы предпримем попытку проанализировать эти источники на уровне морфологии с целью выявления их диалектной принадлежности. В работе будут описаны основные грамматические категории имени существительного (число, притяжательность, падеж) и глагола (залог, наклонение, время), а также неспрягаемые формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие), характерные для современного удмуртского языка. Опыт описания удмуртских письменных памятников XIX в. свидетельствует о том, что для определения их диалектной принадлежности не обязательно сравнивать языковые особенности источника с письменным памятником того же периода, диалектная основа которого эксплицитно указана. Сопоставление письменных источников с современными диалектами также дает достоверный результат, но при этом следует помнить, что принадлежность памятников к тому или иному диалекту определяется набором общих инноваций, а не сохранившихся архаизмов. Поэтому при рассмотрении языковых особенностей письменных источников важно классифицировать, какие из них являются инновациями, а какие — архаизмами.

## 2. Именная морфология

### 2.1. Число

Категория числа в современном удмуртском языке основана на противопоставлении форм единственного и множественного числа. Для форм единственного числа характерно отсутствие формальных показателей. Множественное число имен существительных образуется с помощью суффикса *-ос*, присоединяемого к основам, оканчивающимся на гласный, или *-йос* (графически *-ёс*), который употребляется после основ с финальным согласным. Однако в отдельных южных [Кельмаков 2006: 116], севернoudмуртских [Карпова 2018: 168—169] и бесермянских<sup>2</sup> говорах встречаются случаи образования форм множественного числа с помощью суффикса *-йос* не только от основ с ауслаутным согласным, но и от основ с конечным гласным. Эти формы в удмуртских диалектах, вероятно, являются архаичными, поскольку, согласно существующим на сегодняшний день гипотезам [Лыткин 1931: 108; Uotila 1933: 182—183; Kövesi 1965: 152; Кондратьева 2011: 36 и др.], в составе данного морфологического показателя изначально был согласный *й*, т. е. маркер *-йос* имеет первичное происхождение, а *-ос* — вторичное.

Образование форм множественного числа имен существительных в исследуемых рукописях также не совпадает с современной литературной нормой. В переводе [Иоанн РГИА] функционирует суффикс *-йосъ*, который присоединяется как к основам на согласный, так и к основам с финальным гласным<sup>3</sup>, ср.:

<sup>1</sup> Оба варианта размещены в Корпусе письменных памятников удмуртского языка на сайте <http://udmcorpus.udman.ru/memorials>, который и послужил источником анализируемого материала.

<sup>2</sup> Согласно данным мультимедийного бесермянского корпуса <http://multimedia-corpus.beserman.ru/search>.

<sup>3</sup> Подобные формы характерны и для южнoudмуртских памятников конца XIX — начала XX в., некоторые примеры зафиксированы и в севернoudмуртском письменном источнике [Безенова 2022а: 353].

*пыжсьіосъ* ‘лодки’<sup>4</sup> PL — литер. *пыжсьёс*, *синьіосъ* ‘глаза’ PL — литер. *синьёс*, *шурьіосъ* ‘реки’ PL — литер. *шурьёс* и др.;

*адями-іосъ* ‘люди’ PL — литер. *адямиос*, *бецеіосъ* ‘братья’ PL — литер. *бечеос* ‘родственники’, *пудоіосъ* ‘животные’ PL — литер. *пудоос* и др.

В рукописи [Иоанн АРАН] в целом выступает тот же принцип, однако, кроме основного маркера *-іосъ*, в нескольких формах представлен суффикс *-осъ*, ср.:

*висисьіосъ* ‘больные’ PL — литер. *висисьёс*, *синтэмьіосъ* ‘слепые’ PL — литер. *синтэмьёс*, *ціорыгьіосъ* ‘рыбы’ PL — литер. *чорыгьёс*; *киіосъ* ‘руки’ PL — литер. *киос*, *кузидіосъ-тэ* ‘твоих хозяев’ PL-POSS.2SG-ACC — литер. *кузёостэ*, *пудоіосъ* ‘животные’ PL — литер. *пудоос* и др.;

*архьерёосъ* ~ *архиерёосъ* ‘архиереи’ PL < рус. *архиерей*, *Галиледъ* ‘галилеяне’ PL < рус. *Галилея*, *дина́ріосъ* ‘динарии’ PL < рус. *динарий*, *еврёосъ* ‘евреи’ PL < рус. *еврей*, *Іудеосъ* ~ *Іудеосъ* ‘иудеи’ PL < рус. *Иудея*, *Самаріосъ* ‘самаряне’ PL < рус. *Самария* (ср. *Самарііосъ* PL), *фарисеосъ* ~ *фарисеосъ* ‘фарисеи’ PL < рус. *фарисей* (ср. *фарисеіосъ-лэсь* ~ *фарисеіосълэсь* PL-ABL).

Несмотря на то, что маркер *-осъ* во всех приведенных выше примерах присоединяется к гласной, по нашему мнению, здесь он не представляет собой языковую особенность памятника, а, скорее всего, является лишь графическим приемом, поскольку, как видим, данный показатель употребляется исключительно с заимствованными лексемами, при этом в номинативе все они оканчиваются на *й* или йотированную гласную.

## 2.2. Притяжательность

Посессивность в современном удмуртском языке выражается различными лично-притяжательными суффиксами, представленными в таблице 1 (подробнее см. [ГСУЯ 1962: 82; УКК 2011: 36—37]).

Таблица 1. Лично-притяжательные суффиксы имен существительных

|          | Один обладатель                        |                  |
|----------|----------------------------------------|------------------|
|          | Одно обладаемое                        | Много обладаемых |
| 1-е лицо | -э(-)/-е(-), -ы(-), -м(-) <sup>5</sup> | -ы(-), -м(-)     |
| 2-е лицо | -эд(-)/-ед(-), -ыд(-), -д, -д-/т-      | -ыд(-), -д, -т-  |
| 3-е лицо | -эз(-)/-ез(-), -ыз(-), -з, -з-/с-      | -ыз(-), -з, -с-  |
|          | Много обладателей                      |                  |
|          | Одно обладаемое                        | Много обладаемых |
| 1-е лицо | -мы(-), -м-                            | -мы(-), -м-      |
| 2-е лицо | -ды(-)/-ты(-), -ды, -д-/т-             | -ты(-), -ды, -т- |
| 3-е лицо | -зы(-)/-сы(-), -зы, -з-/с-             | -сы(-), -зы, -с- |

Аналогичные маркеры характерны и для первых рукописных переводов Евангелия от Иоанна, ср.:

[Иоанн АРАН]: *дышэтысе* ‘мой учитель’ POSS.1SG — литер. *дышетісе*, *синьмы* ‘мой глаз’ POSS.1SG — литер. *синьмы*, *картэдъ* ‘твой муж’ POSS.2SG — литер. *картэд*, *выныдъ* ‘твой брат’ POSS.2SG — литер. *выныд*, *висіонэзь* ‘его болезнь’ POSS.3SG — литер. *висёнэз*, *сюлмызь* ‘его сердце’ POSS.3SG — литер. *сюлмыз*, *селякъ-іосъ-тэ* ‘твои грехи’ PL-POSS.2SG-ACC — литер. *сьёлыкьёстэ*, *ужьіосызь* ~ *ужьіосысь* ‘его дела’ PL-POSS.3SG — литер. *ужьёсыз*, *бубымы* ‘наш отец’ POSS.1PL — литер. *бубымы* и др.;

[Иоанн РГИА]: *картэ* ‘мой муж’ POSS.1SG — литер. *картэ*, *піэдъ* ‘твой сын’ POSS.2SG — литер. *пиед*, *ужьэзь* ‘его дело’ POSS.3SG — литер. *ужез*, *дырызь* ‘его время’ POSS.3SG — литер. *дырыз*, *синьіосыдъ* ‘твои глаза’ PL-POSS.2SG — литер. *синьёсыд*, *бецеіосызь* ‘его братья’ PL-POSS.3SG — литер. *бечеосыз* ‘его родственники’, *ужьмы* ‘наше дело’ POSS.1PL — литер. *ужмы*, *айіосмы* ‘наши отцы’ PL-POSS.1PL — литер. *айыосмы* и др.

Кроме того, в текстах рукописей при выражении отношения принадлежности единичного объекта единичному обладателю встречаются особые формы, маркированные притяжательными суффиксами с *и*-овой огласовкой:

[Иоанн АРАН]: *бубизь* ‘его отец’ POSS.3SG — литер. *бубиз/бубыез*, *бубизьлэсь* ‘у его отца’ POSS.3SG-ABL — литер. *бубизлэсь/бубыезлэсь*, *бубизлы* ‘его отцу’ POSS.3SG-DAT — литер. *бубизлы/бубыезлы*,

<sup>4</sup> Переводы с русского на удмуртский язык даются по электронному словарю <http://udmcorpus.udman.ru/dictionary> с учетом контекстов.

<sup>5</sup> Посессивные маркеры без препозитивных огласовок функционируют в ряде косвенных падежей: аккумулятиве, инструментале, инессиве, иллативе, элативе, эгрессиве, пролативе и терминативе.

*муми́зь* ‘его мать’ POSS.3SG — литер. *мумиз/мумьез*, *муми́злы* ‘его матери’ POSS.3SG-DAT — литер. *мумизлы/мумьезлы*;

[Иоанн РГИА]: *ай* ‘мой отец’ POSS.1SG — литер. *айи/айые*, *айдъ* ‘твой отец’ POSS.2SG — литер. *айид/айьед*, *айъ* ‘его отец’ POSS.3SG — литер. *айиз/айьез*, *муми́зь* ‘его мать’ POSS.3SG — литер. *мумиз/мумьез* и др.

Данные форманты имеют ограниченное употребление. В современном удмуртском языке они используются лишь с несколькими лексемами, обозначающими термины ближайшего родства по восходящей линии: *айы* ‘отец’, *мумы* ‘мать, мама’, *бубы* ‘отец’ [УКШГК 2022: 52—53]. Территориально указанные формы распространены в говорах северной диалектной зоны [ДАУЯ 2013: 59, 63; Карпова 2018: 175]. По мнению С. А. Максимова, гласный *и* в подобного рода словах восходит к уменьшительно-ласкательному суффиксу. «Возникнув как уменьшительно-ласкательная форма для обращения к матери <...>, слово *муми* впоследствии стало употребляться и в функции называния, в которой оно <...> воспринимается не как мама вообще, а моя мама» [Максимов 2013: 211].

### 2.3. Падеж

Система склонения современного удмуртского литературного языка включает 15 падежей: именительный (номинатив), винительный (аккузатив), родительный (генитив), разделительный (аблатив), дательный (датов), творительный (инструменталь), лишительный (абессив), соответственный (адвербиаль), местный (инессив), входный (иллатив), исходный (элатив), отдалительный (эгрессив), переходный (пролатив), предельный (терминатив), направительный (аппроксиматив). В рукописных переводах Евангелия от Иоанна мы выявили лишь 12 падежей, адвербиальные, эгрессивные и аппроксимативные формы на рассмотренных страницах источников отсутствуют, что, вероятно, связано с меньшей их частотностью в удмуртском языке. При этом следует упомянуть, что в отдельных говорах южной диалектной зоны отмечается сокращение количества падежей вследствие замещения адвербиальных, аппроксимативных и терминативных форм послеложными конструкциями [Кельмаков 2006: 117—118]. Однако в текстах рукописей не представлены не только морфологически маркированные падежные формы, но и послеложные конструкции, которые могли бы их заменить, т. е. в анализируемых письменных источниках в целом отсутствуют семантически подходящие контексты.

В таблице 2 даны все падежные маркеры имен существительных, встречающиеся в текстах. Как видим, в памятниках наблюдаются некоторые отклонения от литературных норм, связанные с внешним оформлением падежных формантов.

Наибольший интерес, по нашему мнению, представляют формы творительного падежа единственного числа, зафиксированные в [Иоанн АРАН], которые образованы с помощью маркеров *-энынь* и *-ынынь*: *выдэмэнынь* ‘лежанием’ INS — литер. *выдэмен*, *кышноэнынь* ‘с женой’ INS — литер. *кышноен*, *улэмэнынь* ‘жизнью’ INS — литер. *улэмен*, *нимынынь* ‘именем’ INS — литер. *нимын*, *синмынынь* ‘глазами’ INS — литер. *синмын* и др. В памятнике они функционируют довольно широко наряду со стандартными формами с суффиксами *-энь/-ень*, *-ынь*, ср.: *вуэнь* ‘водой’ INS — литер. *вуэн*, *Моисеень* ‘с Моисеем’ INS — литер. *Моисеен*, *цинінь* ‘пальцем’ INS — литер. *чинььен*, *лулынь* ‘душой’ INS — литер. *лулын*, *мыль кыдынь* — литер. *мылькыдын*, *нимынь* ‘именем’ INS — литер. *нимын* и др. Возможно, выявленные примеры свидетельствуют о диалектной особенности языка рукописи [Иоанн АРАН], однако доказательств этого на данный момент у нас, к сожалению, нет, поскольку подобные формы мы ранее не фиксировали ни в письменных источниках, ни в современных диалектах удмуртского языка.

Соответствия маркеров с *и*-овой инициальной в инессиве, элативе и пролативе *ы*-овым в литературном, на наш взгляд, объясняются орфографической нормой рассматриваемых письменных источников, которая характерна и для переводов Евангелий от Матфея и от Марка (см. подробнее [Безенова 2022б: 12—13]), а именно: показатели с *и*-овой огласовкой в рукописях употребляются после основ с конечной гласной<sup>6</sup>:

[Иоанн АРАН]: *дунінь* ‘в мире’ INE — литер. *дуннеын*, *книгайнь* ‘в книге’ INE — литер. *книгаын*, *мэстайнь* ‘в месте’ INE — литер. *местаын*; *дуніейсь* ~ *дуніись* ‘из мира’ ELA — литер. *дуннеысь*, *Іудейсь* ‘из Иудеи’ ELA — литер. *Іудеяысь*, *мэстайсь* ‘из места’ ELA — литер. *местаысь* и др.;

[Иоанн РГИА]: *Вифарайнь* ‘в Вифаре’ INE — литер. *Вифараын*, *Галилеяйнь* ‘в Галилее’ INE — литер. *Галилеяын*, *Канайнь* ‘в Кане’ INE — литер. *Канаын*; *Вифсаидайсь* ‘из Вифсаиды’ ELA — литер. *Вифсаи-*

<sup>6</sup> Указанная орфографическая норма, возможно, основана на следующем фонетическом явлении: после гласной основы перед гласным показателя местного падежа в удмуртском языке вставляется звук *й*, который приводит к частичному продвижению вперед гласного *ы*, превращая его в звук, промежуточный между *ы* и *и*. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело также с влиянием русской орфографии, где после *й* звук/буква *ы* не встречается.

Таблица 2. Падежные маркеры имен существительных

| Падеж              | Единственное число |               |            | Множественное число |              |         |
|--------------------|--------------------|---------------|------------|---------------------|--------------|---------|
|                    | [Иоанн АРАН]       | [Иоанн РГИА]  | литер.     | [Иоанн АРАН]        | [Иоанн РГИА] | литер.  |
| номинатив          | ∅                  | ∅             | ∅          | ∅                   | ∅            | ∅       |
| аккузатив          | -эзъ               | -эзъ          | -эз/-ез    | -ызъ/-ысъ           | -э           | -ты/-ыз |
|                    | ∅                  | ∅             | ∅          | -э                  |              | -э/-е   |
|                    | -э                 | -э            | -э/-е      | -эсъ                |              | -эсъ    |
|                    | -эсъ               |               | -эс/-ес    |                     |              |         |
| генитив            | -лэнъ              | -лэнъ         | -лэн       | -лэнъ               | -лэнъ        | -лэн    |
| аблатив            | -лэсъ              | -лэсъ         | -лэсъ      | -лэсъ               | -лэсъ        | -лэсъ   |
| датив              | -лы                | -лы           | -лы        | -лы                 | -лы          | -лы     |
| инстру-<br>менталь | -энъ/-енъ          | -энъ          | -эн/-ен    | -ынъ                | -ынъ         | -ын     |
|                    | -ынъ               | -ынъ          | -ын        |                     |              |         |
|                    | <b>-энынъ</b>      |               |            |                     |              |         |
|                    | <b>-ынынъ</b>      |               |            |                     |              |         |
|                    | -ены-              | -эны-/ены-    | -эны-/ены- |                     |              |         |
|                    |                    | -ыны-         | -ыны-      |                     |              |         |
| абессив            | -тэкъ ~ -текъ      | -тэкъ ~ -текъ | -тэк       |                     |              |         |
| инессив            | -ынъ/-инъ          | -ынъ/-инъ     | -ын        | -ынъ                | -ынъ         | -ын     |
|                    | -а-/я-             | -нъ           | -а-/я-     |                     |              |         |
| иллатив            | -э/-е              | -э/-е         | -э/-е      |                     | -а-          | -а-     |
|                    | -а-/я-             | -а-/я-        | -а-/я-     |                     |              |         |
| элатив             | -ысъ/-исъ          | -ысъ/-исъ     | -ысъ       |                     |              |         |
|                    | -ысъты-            | -ысъты-       | -ысъты-    |                     |              |         |
| пролатив           | -эти               |               | -этий      |                     |              |         |
|                    |                    | -ти           | -тий       |                     |              |         |
|                    |                    | <b>-ити</b>   | -итий      |                     |              |         |
| терминатив         | -озъ               | -озъ          | -озъ       |                     |              |         |

*даысь, инти-йсь* ‘из места’ ELA — литер. *интыысь, кійсь* ‘из руки’ ELA — литер. *кыысь*; *Самарияитий* ‘по Самарии’ PROL — литер. *Самарияытий* и др.

Кроме того, в [Иоанн РГИА] встречается такая форма, как *пыласконниъ* ‘в купальне (досл. в месте, где купаются)’ — литер. *пыласьконниын*, в которой инессивный суффикс *-инъ* на первый взгляд присоединяется к согласной. Однако, если учесть литературное соответствие, видим, что в данном случае происходит выпадение конечной *и* основы перед суффиксом инессива. Аналогичное явление прослеживается и в иллативных формах<sup>7</sup>, ср.: *пласконнэ* ~ *пыласконнэ* ‘в купальню (досл. в место, где купаются)’ ILL — литер. *пыласьконние, лудьяцконнязь* ‘в место его воскрешения’ ILL-POSS.3SG — литер. *лудьяськоннияз, улоннязь* ‘в его царство (досл. в место его проживания)’ ILL-POSS.3SG — литер. *улоннияз* и др. Особенности, при которой «в словах с конечным *-н’и* почти во всех местных падежах перед падежным аффиксом выпадает гласный *и*» [Максимов 2018: 272—273], представлена в современных среднечепецких говорах удмуртского языка. Стоит также отметить, что сегодня формы с маркером *-ни* активно внедряются в литературный язык, хотя изначально считались исключительно диалектными, характерными для северноудмуртского [Вахрушев 1959: 23; Алашеева 1982: 92] и бесермянского наречий [Тепляшина 1970: 177—178], а также шарканского средневосточного говора [Бушмакин 1969: 61—62].

Случай употребления в [Иоанн АРАН] маркера *-ысь* в соответствии с литературным *-ыз* в аккумуляте представлен лишь двумя словоформами (*кыльйосысь* ‘слова’ PL-ACC — литер. *кыльёсыз, ужьйосысь* ‘дела’ PL-ACC — литер. *ужьёсыз*), поэтому здесь не исключена вероятность опечатки либо это следствие оглушения конечного согласного *з* (оба примера в тексте стоят перед лексемами с глухим анлаутным согласным), хотя в целом для текста данной рукописи нехарактерна запись конечных звонких согласных, подверженных оглушению, буквами для глухих.

<sup>7</sup> Единичные примеры обнаруживаются и в [Иоанн АРАН]: *осконназь* ‘в место его веры’ ILL-POSS.3SG — литер. *осконнияз, аранназь* ‘в место его жатвы’ ILL-POSS.3SG — литер. *араннияз*.

### 3. Глагольная морфология

#### 3.1. Залоги глагола

В современном удмуртском языке традиционно выделяют две группы залогов: понудительный и непонудительный, возвратный и невозвратный [УКК 2011: 201]. В первых рукописных переводах Евангелия от Иоанна нам удалось выявить только формы второго типа.

**Возвратный залог**, противопоставляясь невозвратному с нулевым маркером, в литературном языке образуется с помощью суффиксов *-иськ(ы)-/-йськ(ы)-*, *-ск(ы)-* (от глаголов I спряжения) или *-ськ(ы)-* (от глаголов II спряжения). В рукописях основными формантами возвратного залога являются маркеры:

1) **-ыськ(ы)-** (от глаголов I спряжения):

[Иоанн АРАН]: *жугыськэ вылэмь* ‘он бился’ REFL-PRS.3SG AUX — литер. *жугыське вылэм*, *кылыськыса* ‘послышавшись’ REFL-CONV — литер. *кылйськыса*, *мэдэзь сэрыськы* ‘пусть он не разобьется’ NEG.IMP.3SG-REFL — литер. *медаз сэрыськы* и др.;

[Иоанн РГИА]: *карыськызы* ‘они сделались’ REFL-1PST-3-PL — литер. *карыськызы*, *лестыськызы* ‘он строился’ REFL-1PST-3SG — литер. *лэстыськыиз*, *пыртыськызы* ‘они крестились’ REFL-1PST-3-PL — литер. *пыртйськызы* и др.

2) **-ськ(ы)-** (от глаголов II спряжения):

[Иоанн АРАН]: *вераськыса* ‘посоветовавшись’ REFL-CONV — литер. *вераськыса*, *восяськызы* ‘они будут молиться’ REFL-FUT-3-PL — литер. *вөсяськызы*, *катьяськыны* ‘исцелиться’ REFL-INF — литер. *катьяськыны* и др.;

[Иоанн РГИА]: *восяськыскомь* ‘мы молимся’ REFL-PRS-1PL — литер. *вөсяськыском(ы)*, *катьяськэмь* ‘он, оказывается, исцелился’ REFL-2PST.3SG — литер. *катьяськем(ез)*, *мэдэзь тодмаськэ* ‘пусть они не становятся заметными’ NEG.IMP.3-REFL-PL — литер. *медаз тодмаське* и др.

Как видим, в памятниках в соответствии с литературным *-иськ(ы)-/-йськ(ы)-* функционирует формант *-ыськ(ы)-* с *ы*-овой огласовкой. Хотя в качестве исключения в [Иоанн РГИА] встречаются две формы с *и*-овым маркером: *жугыськэ валь* ‘он бился’ REFL-PRS.3SG AUX — литер. *жугыське вал*, диал. *пэяськыськыды* ‘вы прельстились’ REFL-1PST-2-PL. Употребление *ы*-ового варианта в памятниках, с одной стороны, может отражать языковую особенность источников, поскольку для современных говоров северной диалектной зоны характерен *ы*-овый маркер возвратного залога, в то время как для говоров южной диалектной зоны свойственно употребление *и*-ового показателя, при этом маркер с *ы*-огласовкой считается первичным по отношению к *и*-овому [Кельмаков 2006: 66—67]. С другой стороны, *ы*-овый формант может объясняться принятыми в тексте нормами орфографии, поскольку, как показывает опыт описания первых удмуртских переводов Евангелий, в памятниках этого периода суффиксы с *ы*-овой огласовкой, как правило, употребляются после основ с финальным твердым согласным, а *и*-овые — после основ на гласные или мягкие согласные [Безенова 2022б: 12—13]. Во всех выявленных в источниках формах *-ыськ(ы)-* присоединяется к основам, оканчивающимся на твердый согласный. В рукописях нам не удалось обнаружить примеры, образованные от основ с конечным гласным или мягким согласным, поэтому вопрос функционирования *ы*-ового рефлексивного показателя в первых удмуртских переводах Евангелия от Иоанна все же остается открытым.

Кроме того, формы возвратного залога от глаголов I спряжения в [Иоанн АРАН] маркируются суффиксом **-цък(ы)- (-цк(ы)-)**<sup>8</sup>: *бэрыцкыса* ‘обернувшись’ REFL-CONV — литер. *берытскыса/берыктйськыса*, *вөрцъкызы* ‘они родились’ REFL-1PST-3-PL — литер. *вордскизы/вордйськызы*, *дышетцъкы-тэкь* ‘не обучившись’ REFL-CONV — литер. *дышетскытэк/дышетйськытэк*, *куцъкыллямь* ‘они, оказывается, взяли’ REFL-2PST.3PL — литер. *кутскиллям(зы)/кутйськиллям(зы)*, *мыкырцъкыса* ‘преклонив голову’ REFL-CONV — литер. *мыкырскыса/мыкырйськыса*. Этот показатель представляет собой модификацию суффикса *-иськ(ы)-/-йськ(ы)-*, который возник в результате сочетания элемента *т* глагольной основы с согласным *с* залогового суффикса и зафиксирован в кыркмасских и граховских южноудмуртских говорах, а также в верхнечепецких говорах северного наречия [Кельмаков 2006: 141].

В тексте [Иоанн РГИА] мы выявили лишь одну лексему с аналогичным формантом **-цк(-)**: *ворцкыны* ‘родиться’ REFL-INF — литер. *вордскыны/вордйськыны*. Однако в данной рукописи в нескольких формах встречается другой вариант первоначального залогового маркера глаголов I спряжения *-иськ(ы)-/-йськ(ы)-* — **-ск(ы)-**, который в целом характерен для северноудмуртских говоров [Карпова 2018: 334—335], а также в настоящее время широко употребляется в литературном языке, ср.: *кышкатскызы* ‘они

<sup>8</sup> В рукописи «графема **ц** (иногда **ч** — с последующими йотированными гласными, *и*, *е* или мягким знаком) обозначает глухую палатальную фонему *ч* (ĉ)» [Камитова, Ившин 2012: 21].

испугались' REFL-1PST-3-PL — литер. *кышкатскизы/кышкатйськызы*; *дышетскиськодъ* 'ты учишься' REFL-PRS-2SG — литер. *дышетскиськод/дышетйськиськод*, *дышетскытэкъ* 'не обучившись' REFL-CONV — литер. *дышетскытэк/дышетйськытэк*.

### 3.2. Категория наклонения и временные формы

В рукописных текстах первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна, как и в современном удмуртском литературном языке и большинстве его диалектов, представлены три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное.

**3.2.1.** Основным отличительным признаком глагольных форм **изъявительного наклонения** является изменяемость по временам. В удмуртском литературном языке выделяют восемь временных форм, среди которых представлены четыре простых (настоящее, будущее, первое прошедшее (очевидное), второе прошедшее (неочевидное)) и четыре сложных формы прошедшего времени (I плюсквамперфект, II плюсквамперфект, прошедшее длительное, прошедшее многократное) (см. подробнее [УКК 2011: 170]).

Рассмотрение глагольных форм, представленных в памятниках, показало, что в рукописях, как и в случае с падежными маркерами, действует орфографическая норма, согласно которой суффиксы с *и*-овой инициальной присоединяются к основам, оканчивающимся на гласные и мягкие согласные, а в остальном употребляются *ы*-овые форманты, хотя отклонения от этого правила в источниках не исключены. Эта закономерность явно прослеживается в формах 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа настоящего времени и 3-го лица множественного числа прошедшего неочевидного времени, образованных от глаголов I спряжения:

[Иоанн АРАН]: *луиськодъ* 'становлюсь' PRS.1SG — литер. *луисько*, *оскыськодъ* 'веришь' PRS.2SG — литер. *оскыськод*, *оскыськодъ* 'верим' PRS-1PL — литер. *оскыськом(ы)*, *оскыськодъ* 'верите' PRS-2-PL — литер. *оскыськоды*; *кылылъямъ* 'они, оказывается, слышали' 2PST.3PL — литер. *кылйллям(зы)* и др.;

[Иоанн РГИА]: *возиськодъ* 'держу' PRS.1SG — литер. *возисько*, *улыськодъ* 'живешь' PRS.2SG — литер. *улыськод*, *адзиськодъ* 'видим' PRS-1PL — литер. *адзиськом(ы)*, *вайськодъ* 'приносите' PRS-2-PL — литер. *вайськоды*; *пуксилъямъ* 'они, оказывается, сели' 2PST.3PL — литер. *пуксиллям(зы)* и др.

Кроме того, указанная норма функционирует в тексте [Иоанн АРАН] при маркировке утвердительных форм прошедшего очевидного времени (от глаголов I спряжения), тогда как в [Иоанн РГИА], напротив, практически все соответствующие формы вне зависимости от конечной фонемы глагольной основы оформляются суффиксом *-и(-)*, идентичным литературному, ср.:

[Иоанн АРАН]: *лыкты* 'я пришел' 1PST.1SG — литер. *лыкты*, *возидъ* 'ты держал' 1PST-2SG — литер. *возид*, *вайзь* 'он принес' 1PST-3SG — литер. *вайиз*, *кылымы* 'мы слышали' 1PST-1-PL — литер. *кылйм(ы)*, *лыктыды* 'вы пришли' 1PST-2-PL — литер. *лыктыды*, *улызы* 'они жили' 1PST-3-PL — литер. *улызы* и др.;

[Иоанн РГИА]: *лестй* 'я сделал' 1PST.1SG — литер. *лэстй*, *бурмидъ* 'ты исцелился' 1PST-2SG — литер. *бурмид*, *адзизъ* 'он увидел' 1PST-3SG — литер. *адзиз*, *шедътймы* 'мы нашли' 1PST-1-PL — литер. *шедътйм(ы)*, *сийды* 'вы съели' 1PST-2-PL — литер. *сийды*, *тырмытйзы* 'они наполнили' 1PST-3-PL — литер. *тырмытйзы* и др.

На уровне морфологии в анализируемых памятниках можно отметить некоторые особенности.

1) В нескольких случаях формы настоящего времени от глаголов I спряжения в [Иоанн АРАН] маркируются показателями *-цъко-*, *-цък-* в соответствии с литературными *-йсько-*, *-йськ-*: *тоцъкодъ* 'я знаю' PRS.1SG — литер. *тодйсько*, *мэдоцъкодъ* 'ты намереваешься' PRS-2SG — литер. *медйськод*, *тоцъкодъ* 'мы знаем' PRS-1PL — литер. *тодйськом(ы)*, *кварэцъкодъ* 'вы ругаетесь' PRS-2-PL — литер. *куаретйськоды*, *угъ быгатцъкы* 'я не могу' NEG.1SG-PRS-SG — литер. *уг быгатйськы* и др. Данное явление в рукописи, как и в случае с показателем возвратного залога, объясняется модификацией *-ис'ко-*, *-ис'к-*, возникшей в результате сочетания конечного согласного глагольной основы с суффиксальным *с'*, и также отмечено в кырымасских и граховских говорах центрально-южного диалекта и в верхнечепецком диалекте северного наречия [Кельмаков 2006: 147—148]. В [Иоанн РГИА] подобные формы мы выявили лишь от одной лексемы, притом, как правило, параллельно они употребляются и с маркером *-ысько-* ~ *-ис'ко-*: *тоцъкодъ* ~ *тодыськодъ* ~ *тодиськодъ* 'я знаю' PRS.1SG — литер. *тодйсько*, *тоцъкодъ* 'ты знаешь' PRS-2SG — литер. *тодйськод*, *тоцъкодъ* ~ *тодыськодъ* ~ *тодиськодъ* 'мы знаем' PRS-1PL — литер. *тодйськом(ы)*.

2) Наряду с общеудмуртскими отрицательными формами прошедшего очевидного времени, образованными путем сочетания основы знаменательного глагола с изменяющимся по лицам и числам вспомогательным отрицательным глаголом (*öй*, *öд*, *öз*, *öм*, *öд*, *öз*), в рукописях встречаются конструкции, со-

стоящие из отрицательной формы будущего времени и двукратно повторяющейся частицы *на* ‘еще’, также указывающие на действие в прошлом<sup>9</sup>, ср.:

[Иоанн АРАН]: *эй то́дъ* ‘я не знал’ NEG.1PST.1SG — литер. *ой тод(ы)*, *э́зь о́скы* ‘он не поверил’ NEG.1PST.3SG — литер. *о́з о́скы*, *э́мъ во́рцькылэ* ‘мы не родились’ NEG.1PST.1-PL — литер. *о́м вордйське(лэ)*, *э́дъ ва́илэ* ‘вы не принесли’ NEG.1PST.2-PL — литер. *о́д вае(лэ)*, *э́зь о́скылэ* ‘они не поверили’ NEG.1PST.3-PL — литер. *о́з о́ске(лэ)*; *э́зь то́дмá* ‘он не узнал’ NEG.1PST.3SG — литер. *о́з то́дма*, *э́дъ у́жалэ* ‘вы не делали’ NEG.1PST.2-PL — литер. *о́д у́жалэ*, *э́зь ва́лалэ* ‘они не поняли’ NEG.1PST.3-PL — литер. *о́з валалэ* и др.;

*у́знá адзи́нá* ‘он не видел’ NEG.FUT.3SG, *у́знá адзи́лынá* ‘он не видал’ NEG.FUT.3SG-ITER, *у́знá вуи́нá* ‘он не пришел’ NEG.FUT.3SG, *у́знá ку́лнá* ‘он не умер’ NEG.FUT.3SG, *у́знá эти́нá* ‘он не позвал’ NEG.FUT.3SG;

[Иоанн РГИА]: *эй лы́кты* ‘я не пришел’ NEG.1PST.1SG — литер. *ой лы́кты*, *э́зь и́сты* ‘он не послал’ NEG.1PST.3SG — литер. *о́з ы́сты*, *э́дъ ва́илэ* ‘вы не приносили’ NEG.1PST.2-ITER-PL — литер. *о́д вайы́лэ*, *э́зь то́дэлэ* ‘они не узнали’ NEG.1PST.3-PL — литер. *о́з то́дэ(лэ)*; *э́зь ве́рá* ‘он не сказал’ NEG.1PST.3SG — литер. *о́з ве́ра*, *э́зь се́лыкалэ* ‘они не согрешили’ NEG.1PST.3-PL — литер. *о́з се́лыкалэ* и др.;

*у́дъ нá кы́лынá* ‘ты не слышал’ NEG.FUT.2SG, *у́зъ нá вордэ́ски́нá* ‘он не родился’ NEG.FUT.3SG, *у́зъ нá вуи́нá* ‘он не пришел’ NEG.FUT.3SG, *у́зъ нá ты́рмытсэ́кы́нá* ‘оно не исполнилось’ NEG.FUT.3SG, *у́дъ нá а́дзи́лена* ‘вы не видели’ NEG.FUT.2-PL.

Подобные формы в свое время были зафиксированы в кукморских [Кельмаков 1969: 382—385] и граховских [Атаманов 1981: 52] говорах южноудмуртского наречия и, по мнению диалектологов, являются архаичными [Кельмаков 1969: 383].

3) Показателем множественного числа отрицательных форм 1-го и 2-го лица настоящего времени от глаголов II спряжения, а также всех трех лиц будущего и прошедшего очевидного времени от глаголов I спряжения в современном удмуртском языке является суффикс *-э(лэ)/-е(лэ)*. В тексте [Иоанн АРАН] данные формы маркируются формантом *-лэ*, ср.:

*у́дá малтáськы́лэ* ‘вы не думаете ли’ NEG.2PL-PRS-PL — литер. *уд-а малтáське(лэ)*; *у́дъ во́сяськы́лэ* ‘не будете молиться’ NEG.FUT.2-PL — литер. *уд во́сяське(лэ)*; *э́мъ во́рцькылэ* ‘мы не родились’ NEG.1PST.1-PL — литер. *о́м вордйське(лэ)*, *э́дъ ва́илэ* ‘вы не принесли’ NEG.1PST.2-PL — литер. *о́д вае(лэ)*, *э́зь о́скылэ* ‘они не поверили’ NEG.1PST.3-PL — литер. *о́з о́ске(лэ)* и др.<sup>10</sup>

Мы считаем, что выявленные в памятнике формы, скорее всего, имеют более архаичный характер по сравнению с современными. Согласно И. В. Тарakanову, элемент *-л-* маркера множественного числа повелительного наклонения, который также обозначается как *-э(лэ)/-е(лэ)*, вероятно, представляет собой исчезнувший согласный *л* основы глаголов II спряжения [Тараканов 1984: 26]. Возможно, изначально этот показатель множественного числа в виде *-лэ* был един как для форм, образованных от глаголов I, так и глаголов II спряжения. Однако с течением времени обязательный характер *л*-ового маркера мог сохраниться лишь для форм II спряжения (ср. литер. *ум ужалэ* ‘мы не будем работать’, *уд ужалэ* ‘вы не будете работать’, *уз ужалэ* ‘они не будут работать’; *о́м ужалэ* ‘мы не работали’, *о́д ужалэ* ‘вы не работали’, *о́з ужалэ* ‘они не работали’). На архаичность обнаруженных форм, на наш взгляд, указывает и отсутствие фиксаций подобных примеров в современных удмуртских диалектах, а также более предпочтительное употребление в устной и в письменной речи кратких вариантов глагольных форм I спряжения без *-лэ*.

4) Отрицательные формы прошедшего неочевидного времени в северноудмуртских говорах образуются аналитическим способом: сочетанием отрицательной частицы *о́вёл* ‘не; нет’ с формой основного глагола [Карпова 2018: 322]. Подобных примеров в рукописях мы не выявили, однако в тексте [Иоанн АРАН] зафиксировали форму, образованную синтетическим способом: *улы́ллямтэ́* ‘они, оказывается, не жили’ NEG.2PST.3PL — литер. *улы́ллямтэ́(зы)*. Стоит отметить, что такой способ образования характерен для южноудмуртских и некоторых срединных говоров удмуртского языка [Кельмаков 2006: 152].

**3.2.2. Утвердительные формы повелительного наклонения** единственного числа в рукописях, как и в современном удмуртском языке, не имеют морфологического маркера, т. е. совпадают с основой глагола<sup>11</sup>.

<sup>9</sup> *И́нма́ръэзэ́ нò кы́нъ нò кы́тынъ нò у́знá адзи́нá*: *оды́гъ ворцэ́кмъ Пйэ́зь, улы́сь Бубы́злэ́нь та́зь, Сò возмáты́зь*. ‘Бога **не видел** никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил’ [Иоанн АРАН, 1: 18]; *Кушкы́зы но куты́ны Сòз, нокы́нъ но бё́нь э́зь по́нь Сò вы́лэ кызэ́, со поннá, что у́зъ нá вуи́нá часэ́зь Солэ́нь*. ‘И искали схватить Его, но никто не наложил на Него руки, потому что еще **не пришел** час Его’ [Иоанн РГИА, 7: 30] и др.

<sup>10</sup> Формально указанные примеры совпадают с глаголами многократного вида с суффиксом *-л-*, однако контексты их употребления не указывают на повторяемость действий.

<sup>11</sup> Конечная гласная глагольных основ I спряжения *-ы* при отсутствии сочетания согласных в основе слова, как и в литературном языке, выпадает.

Формы множественного числа в тексте [Иоанн АРАН], в отличие от литературного языка, для которого характерно функционирование двух суффиксов *-э(лэ)/-е(лэ)* (I спряжение) и *-лэ* (II спряжение), маркируются показателем *-лэ*, присоединяемым к глагольным основам как I, так и II спряжения. В [Иоанн РГИА] множественное число императивных форм от глаголов I спряжения оформляется не только суффиксом *-лэ*, но и *-э(лэ)*, идентичным литературному, ср.:

[Иоанн АРАН]: *мы́нъ* ‘иди’ IMP.2SG — литер. *мын*, *су́лты* ‘встань’ IMP.2SG — литер. *султы*, *мы́нылэ* ‘идите’ IMP.2PL — литер. *мынэ(лэ)*, *у́цькылэ* ‘посмотрите’ IMP.2PL — литер. *учке(лэ)*; *юва́* ‘спроси’ IMP.2SG — литер. *юа* и др.;

[Иоанн РГИА]: *оскы́* ‘поверь’ IMP.2SG — литер. *оскы*, *э́тъ* ‘позови’ IMP.2SG — литер. *о́тъ*, *мы́нэлэ* ‘идите’ IMP.2PL — литер. *мынэ(лэ)*, *о́мыртылэ* ‘почерпните’ IMP.2PL — литер. *омыртэ(лэ)*, *ты́рмытэ* ‘наполните’ IMP.2PL — литер. *тырмытэ(лэ)*; *ювалэ́* ‘спросите’ IMP.2PL — литер. *юалэ* и др.

Явление употребления в рукописях маркера *-лэ* в соответствии с литературным *-э(лэ)/-е(лэ)* в императивных формах множественного числа, образованных от глаголов I спряжения, как и в случае с показателем множественного числа настоящего, будущего и прошедшего очевидного времени, вероятно, имеет архаичный характер. Притом интересно, что в рукописи [Иоанн РГИА], в отличие от [Иоанн АРАН], параллельно функционируют как устаревшие, так и более инновационные формы с маркерами *-э* и *-элэ*.

Отрицательный аспект повелительного наклонения в памятниках, как и в литературном языке и в современных удмуртских диалектах, образуется сочетанием соответствующих утвердительных форм с неизменяемым препозитивным отрицательным глаголом *энь*:

[Иоанн АРАН]: *энь ка́рылэ* ‘не делайте’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн каре(лэ)*, *энь кварэты́лэ* ‘не ругайте’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн куаретэ(лэ)*; *энь абдра́* ‘не удивляйся’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн абдра*, *энь сэ́лыка* ‘не согреси’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн сэ́лыка*, *энь кы́шкэлэ* ‘не бойтесь’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн кышкэлэ*, *энь ма́лпалэ* ‘не думайте’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн малпалэ* и др.;

[Иоанн РГИА]: *энь и́шты* ‘не потеряй’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн ышты*, *энь ка́рылэ* ‘не делайте’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн каре(лэ)*, *энь о́скылэ* ‘не верьте’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн оске(лэ)*; *энь сэ́лыка* ‘не согреси’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн сэ́лыка* и др.

В современном удмуртском литературном языке выделяют также аналитические формы повелительного наклонения, которые представляют собой сочетание знаменательного глагола в будущем времени с препозитивной утвердительной частицей *мед* ‘пусть’ или отрицательной *медам* ‘пусть не’ [Тараканов 1984: 28; УКК 2011: 168]<sup>12</sup>. Подобные примеры встречаются и в рукописях, при этом в памятниках зафиксирована отрицательная частица *мэдазэ*, указывающая на 3-е лицо:

[Иоанн АРАН]: *мэ́дъ лы́ктозъ* ‘пусть он придет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мед лыктоз*, *мэ́дъ сѣ́томъ* ‘пусть мы дадим’ IMP-FUT-1PL — литер. *мед сѣтом(ы)*, *мэ́дъ о́скоды* ‘пусть вы поверите’ IMP-FUT-2-PL — литер. *мед о́скоды*, *мэ́дъ адзі́озы* ‘пусть они увидят’ IMP-FUT-3-PL — литер. *мед адзозы*, *мэ́дазъ и́шь* ‘пусть он не потеряется’ NEG.IMP.3SG — литер. *медаз ышы*; *мэ́дъ вера́лозъ* ‘пусть он скажет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мед вералоз* и др.;

[Иоанн РГИА]: *мэ́дъ шедьто́зъ* ‘пусть он найдет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мед шедьтоз*, *мэ́дъ адзі́омъ* ‘пусть мы увидим’ IMP-FUT-1PL — литер. *мед адзѣом(ы)*, *мэ́дъ шедьто́ды* ‘пусть вы найдете’ IMP-FUT-2-PL — литер. *мед шедьтоды*, *меда́мъ вѣ́тлы* ‘пусть я не буду приходить’ NEG.IMP.1SG — литер. *медам ветлы*, *меда́зъ бы́рь* ‘пусть он не погибнет’ NEG.IMP.3SG — литер. *медаз быры*; *мэ́дъ вера́лозъ* ‘пусть он скажет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мед вералоз*, *мэ́дъ юва́лозы* ‘пусть они спросят’ IMP-FUT-3-PL — литер. *мед юалозы* и др.

Стоит отметить, что для современных северноудмуртских говоров, за исключением нижнечепецкого диалекта, свойственно функционирование неизменяемой отрицательной частицы *медам* во всех трех лицах [Карпова 2018: 306]. Наличие в исследуемых рукописях *мэдазэ*, скорее всего, связано с тем, что по своему происхождению система отрицательных частиц, оформленных лично-притяжательными суффиксами (*медам*, *медад*, *медаз*), более архаична по сравнению с системой, состоящей из частицы *медам*, характерной для всех трех лиц [Кельмаков 2006: 146].

**3.2.3. Формы сослагательного наклонения** в рукописях, как и в удмуртском литературном языке и его диалектах, маркируются суффиксом *-сал(-)*:

[Иоанн АРАН]: *курса́ль* ‘ты бы попросил’ SBJV.2SG — литер. *курысал(ыд)*, *сѣ́тса́ль* ‘он бы дал’ SBJV.3SG — литер. *сѣтысал(ыз)*, *вэ́раса́ль* ‘он бы сказал’ SBJV.3SG — литер. *верасал(ыз)*, *оскыса́льдъ* ‘вы бы поверили’ SBJV-2-PL — литер. *оскысалды*, *э́й кулса́ль* ‘он бы не умер’ NEG-SBJV.3SG — литер. *ой кулсал(ыз)* и др.;

<sup>12</sup> По мнению некоторых исследователей, эти формы в удмуртском языке представляют собой желательное наклонение [Кельмаков 2006: 145—146; Карпова 2018: 304—307].

[Иоанн РГИА]: *тодысаль* ‘ты бы знал’ SBJV.2SG — литер. *тодысал(ыд)*, *шедьтысаль* ‘он бы нашел’ SBJV.3SG — литер. *шедьтысал(ыз)*, *верасаль* ‘он бы сказал’ SBJV.3SG — литер. *верасал(ыз)*, *яратысалды* ‘вы бы любили’ SBJV-2-PL — литер. *яратысалды*, *шедьтысальзы* ‘они бы нашли’ SBJV-2-PL — литер. *шедьтысалзы*, *эй быгатысаль* ‘он бы не смог’ NEG-SBJV.3SG — литер. *ой быгатысал(ыз)*, *эмь куюсаль* ‘мы бы не бросали’ NEG-SBJV.1PL — литер. *ой куюсалмы* и др.

Однако в памятниках можно отметить некоторые особенности. Во-первых, как утвердительные, так и отрицательные формы единственного числа в источниках употребляются без личных показателей, что на сегодняшний день характерно для северноудмуртских [Карпова 2018: 302] и средневосточных говоров [Бушмакин 1971: 302], а для южноудмуртских, напротив, свойственно оформление подобных форм маркерами лица [Кельмаков 2006: 147]. Во-вторых, в тексте [Иоанн АРАН] перед суффиксом *-саль* происходит выпадение конечной гласной основы *ы* глаголов I спряжения при условии отсутствия сочетания согласных перед этой гласной. Данное явление в первую очередь характерно для срединных говоров удмуртского языка [Кельмаков 2006: 62]. В-третьих, в рукописи [Иоанн РГИА] мы обнаружили отрицательную форму 1-го лица, образованную с помощью вспомогательного препозитивного глагола *эмь*, указывающего на лицо и число (*эмь куюсаль* ‘мы бы не бросали’ NEG-SBJV.1PL — литер. *ой куюсалмы*). При этом, по данным лингвистов, отрицательный глагол в сослагательном наклонении в абсолютном большинстве современных диалектов имеет неспрягаемый характер, т. е. употребляется в форме *ой* во всех трех лицах как в единственном, так и во множественном числе [Кельмаков 1969: 394; Бушмакин 1971: 303; Люкина 2016: 113; Карпова 2018: 303—304]. Выявленный в [Иоанн РГИА] единичный нестандартный пример, на наш взгляд, представляет собой архаичную форму сослагательного наклонения.

### 3.3. Неспрягаемые формы глагола

К неспрягаемым формам глагола в удмуртском языке относятся инфинитив, причастие и деепричастие.

**3.3.1. Морфологическим маркером инфинитива** в первых рукописных переводах Евангелия от Иоанна, а также в удмуртском литературном языке и в абсолютном большинстве современных диалектов является суффикс *-ны*. При этом, как и перед формантом сослагательного наклонения, происходит выпадение конечной гласной основы *ы* глаголов I спряжения, если перед ней нет сочетания согласных, ср.:

[Иоанн АРАН]: *выдны* ‘лечь’ — литер. *выдыны*, *жугны* ‘избить’ — литер. *жугыны*, *шуккыны* ‘стукнуть’ — литер. *шуккыны*; *араны* ‘жать’ — литер. *араны*, *уляны* ‘прогнать’ — литер. *уляны*, *юваны* ‘спросить’ — литер. *юаны* и др.;

[Иоанн РГИА]: *возматыны* ‘показать’ — литер. *возматыны*, *карыны* ‘сделать’ — литер. *карыны*, *оскыны* ‘верить’ — литер. *оскыны*; *вераны* ‘сказать’ — литер. *вераны*, *лучканы* ‘красть’ — литер. *лушканы*, *юваны* ‘спросить’ — литер. *юаны* и др.

Явление выпадения *ы* в инфинитивных формах зафиксировано не только в срединных говорах, но и в верхнечепецком диалекте северного наречия удмуртского языка [Карпова 2018: 344].

#### 3.3.2. Причастия в рукописях маркируются следующими формантами:

##### 1) *-ысь*:

[Иоанн АРАН]: *кылысь* ‘слышащий’ — литер. *кылйсь*, *лыктысь* ‘приходящий’ — литер. *лыктйсь*, *улысь* ‘живущий’ — литер. *улйсь* и др.;

[Иоанн РГИА]: *кылкысь* ‘слушающий’ — литер. *кылзйськысь*, *сылысь* ‘стоящий’ — литер. *сылйсь*, *пукысь* ‘сидящий’ — литер. *пукысь* и др.;

##### 2) *-эмь/-емь* (от глаголов I спряжения), *-мь* (от глаголов II спряжения):

[Иоанн АРАН]: *катьяськэмь* ‘выздоровевший’ — литер. *катьяськем*, *лыктэмь* ‘пришедший’ — литер. *лыктэм*, *сэртэмь* ‘развязанный’ — литер. *сэртэм* и др.;

[Иоанн РГИА]: *ворцкэмь* ‘родившийся’ — литер. *вордскем/вордйськем*, *катьяськэмь* ‘выздоровевший’ — литер. *катьяськем*, *кутскэмь* ‘начавший’ — литер. *кутскем*; *верамь* ‘сказанный’ — литер. *верам* и др.;

##### 3) *-эмынь/-емынь* (от глаголов I спряжения), *-мынь* (от глаголов II спряжения):

[Иоанн АРАН]: *гоштэмынь* ‘записан’ — литер. *гоштэмын*, *истэмынь* ‘отправлен’ — литер. *ыстэмын*, *пыжэмынь* ‘испечен’ — литер. *пыжэмын*; *вэрамынь* ‘сказан’ — литер. *верамын* и др.;

[Иоанн РГИА]: *каремынь* ‘сделан’ — литер. *каремын*, *лэстэмынь* ‘сделан’ — литер. *лэстэмын*, *этемынь* ‘зван’ — литер. *отемын*; *верамынь* ~ *верамынь* ‘сказан’ — литер. *верамын* и др.

На уровне морфологии в данном случае каких-либо особенностей не прослеживается. Соответствие маркера *-ысь* литературному *-ись/-йсь* в причастиях, образованных от глаголов I спряжения, скорее всего, как и в предыдущих случаях, объясняется орфографической нормой, о которой мы уже не раз упоминали.

### 3.3.3. Морфологическими маркерами **деепричастий** в рукописях являются показатели:

#### 1) **-са**:

[Иоанн АРАН]: *бэрыцкыса* ‘повернувшись’ — литер. *берытскыса/берыктйськыса, карса* ‘сделав’ — литер. *карыса, жутса* ‘подняв’ — литер. *жутыса, гажаса* ‘любя’ — литер. *гажаса, малпаса* ‘думая’ — литер. *малпаса, черекьяса* ‘воскликая’ — литер. *черекьяса* и др.;

[Иоанн РГИА]: *кылыса* ‘услышав’ — литер. *кылыса, лестыса* ‘сделав’ — литер. *лэстыса, тодыса* ‘узнав’ — литер. *тодыса; валаса* ‘понимая’ — литер. *валаса, вераса* ‘сказав’ — литер. *вераса, черекьяса* ‘воскликая’ — литер. *черекьяса* и др.;

#### 2) **-тэкъ/-текъ**:

[Иоанн АРАН]: *пыкыськы-тэкъ* ‘не отпираясь’ — литер. *пыкыськытэк, тодытэкъ* ‘не зная’ — литер. *тодытэк, уцкытэкъ* ‘не посмотрев’ — литер. *учкытэк; кышка-тэкъ* ‘не боясь’ — литер. *кышкытэк, малпатэкъ* ‘не думая’ — литер. *малпатэк* и др.;

[Иоанн РГИА]: *дышетскытэкъ* ‘не учившись’ — литер. *дышетскытэк, уцкытэкъ* ‘не посмотрев’ — литер. *учкытэк, тодытэкъ* ‘не зная’ — литер. *тодытэк; кышкытэкъ* ‘не боясь’ — литер. *кышкытэк* и др.;

#### 3) **-ку-**:

[Иоанн РГИА]: *орцыкүзь* ‘когда он проходит’ 3SG — литер. *ортчыкуз*, диал. *цилаллякүзь* ‘когда она развратничает’ 3SG;

#### 4) **-тозь**:

[Иоанн АРАН]: *ултозь* ‘до жизни’ — литер. *улытозь*.

Из приведенных примеров видно, что в тексте [Иоанн АРАН] перед маркерами **-са** и **-тэкъ**, как и перед показателями инфинитива **-ны** и сослагательного наклонения **-салъ**, рассмотренными выше, происходит выпадение конечной гласной основы **ы** глаголов I спряжения. Стоит также обратить внимание на показатели **-ку** и **-тозь**, соответствующие литературным. Маркер **-ку** по своему происхождению является инновационным [Перевошиков 1959: 70; Серебrenников 1963: 302] и представлен в современных среднечепецком и верхнечепецком диалектах северного наречия [Карпова 2018: 356], а также в кильмезских говорах Кировской области [Кириллова, Титова 2016: 45], параллельно с более архаичным вариантом **-кы** может употребляться в отдельных срединных [Кельмаков 2006: 160] и бесермянских говорах [Люкина 2016: 132]. Суффикс **-тозь** по своему происхождению, напротив, является архаичным [Серебrenников 1963: 305], встречается в отдельных говорах различных наречий удмуртского языка, однако в северных наречиях он функционирует лишь в дебесском и зуринском говорах верхнечепецкого диалекта [Карпова 2018: 359].

Следует отметить еще одну особенность, посредством которой текст [Иоанн РГИА] явно отличается от [Иоанн АРАН] и современного литературного языка. Во всех глагольных формах, оканчивающихся на личные показатели **-мы**, **-ды**, **-зы**, ударение в рукописи, хранящейся в РГИА, падает не на последний слог слова, а на предпоследний (примеры см. выше). Это явление на данный момент отмечено диалектологами в среднечепецком и нижнечепецком диалектах, а также в кезском говоре верхнечепецкого диалекта северного наречия [Карпова 2018: 124], в бесермянском наречии [Люкина 2016: 46] и в кукморском говоре периферийно-южного диалекта удмуртского языка [Кельмаков 2006: 74]. Подобные формы с ударением не на последнем слоге слова, по мнению В. К. Кельмакова, скорее всего, восходят «к ранним состояниям в развитии удмуртской акцентуации» [Кельмаков 1993: 33].

## 4. Выводы

Итак, как мы указали в начале статьи, для определения диалектной основы письменных памятников важны инновационные явления. Инновации, которые нам удалось зафиксировать в первых рукописных переводах Евангелия от Иоанна, мы можем разделить на три группы:

- 1) инновационные особенности, выявленные в обеих рукописях;
- 2) инновационные особенности, выявленные в тексте [Иоанн АРАН];
- 3) инновационные особенности, выявленные в тексте [Иоанн РГИА].

В таблице 3 приведены морфологические явления, относящиеся к каждой из этих групп, и их распределение по современным удмуртским диалектам.

Учитывая данные этой таблицы, можно утверждать, что в основе первых рукописных переводов Евангелия от Иоанна лежат говоры севернoudмуртского наречия, поскольку в них представлены все обнаруженные инновации. Кроме того, четыре явления из восьми встречаются в срединных говорах, граничащих с северными диалектами.

Таблица 3. Распределение инновационных явлений по современным удмуртским диалектам

| Морфологическая особенность                                                                                                                                                                                                                                                 | сев. |     |     | бес. | сред. | юж. | пю. |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------|-----|-----|------|-------|-----|-----|
|                                                                                                                                                                                                                                                                             | вч.  | сч. | нч. |      |       |     |     |
| I. Инновационные особенности, выявленные в обеих рукописях                                                                                                                                                                                                                  |      |     |     |      |       |     |     |
| Употребление лично-притяжательных маркеров с <i>и</i> -овой огласовкой в словах, обозначающих термины ближайшего родства                                                                                                                                                    | +    | +   | +   | +    | +     |     |     |
| Употребление как утвердительных, так и отрицательных форм единственного числа сослагательного наклонения без личных показателей                                                                                                                                             | +    | +   | +   |      | +     |     |     |
| Маркировка деепричастий с временным значением показателем <i>-ку</i>                                                                                                                                                                                                        | +    | +   |     | +    | +     |     |     |
| II. Инновационные особенности, выявленные в тексте [Иоанн АРАН]                                                                                                                                                                                                             |      |     |     |      |       |     |     |
| Образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения, оканчивающихся на <i>-ты-</i> , с помощью суффикса <i>-цьк(ы)-</i> ( <i>-цк(ы)-</i> )                                                                                                                          | +    |     |     |      |       |     | +   |
| Маркировка форм настоящего времени от глаголов I спряжения, оканчивающихся на <i>-ты-</i> , показателями <i>-цько-</i> , <i>-цьк-</i>                                                                                                                                       | +    |     |     |      |       |     | +   |
| Выпадение конечной гласной основы <i>ы</i> глаголов I спряжения перед суффиксом сослагательного наклонения <i>-салъ</i> , показателем инфинитива <i>-ны</i> и маркерами деепричастий <i>-са</i> и <i>-тэкъ</i> (при условии отсутствия сочетания согласных перед <i>ы</i> ) | +    |     |     |      | +     |     |     |
| III. Инновационные особенности, выявленные в тексте [Иоанн РГИА]                                                                                                                                                                                                            |      |     |     |      |       |     |     |
| Выпадение конечной <i>и</i> основы перед маркерами инессива и иллатива в существительных, образованных с помощью суффикса <i>-ни</i>                                                                                                                                        |      | +   |     |      |       |     |     |
| Образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения, оканчивающихся на <i>-ты-</i> , с помощью суффикса <i>-ск(ы)-</i>                                                                                                                                              | +    | +   | +   |      |       |     |     |

Стоит также отметить, что на последней странице рукописи [Иоанн РГИА] указана информация о тех, кто работал над переводом: «Переводилъ сіе Благовѣствованіе Сарапульской округи села Дебескаго Николаевской церкви священникъ Павелъ Тронинъ. При переводѣ наибольшую частію ему способствовалъ, и въ чемъ следовало, переводъ его выправлялъ Глазовской округи села Балезинскаго Петропавловской церкви священникъ Стефанъ Анисимовъ. Сей переводъ въ общемъ собраніи читали, и еще, въ чемъ показалось нужно, при глазовскомъ купцѣ Иванѣ Волковѣ, выправляли Глазовской округи села Святицкаго протоіерей Аѳанасій Шкляевъ, онъ и переписывалъ». Таким образом, результат, полученный в процессе анализа морфологии этого памятника, не противоречит указанным данным. При длительной подготовке, внесении многочисленных правок язык источника был, как видно из таблицы 3, максимально приближен к среднечепецкому диалекту.

На страницах другой рукописи, хранящейся в СПбФ АРАН, никакой информации об авторах работы нет. Однако, учитывая результаты анализа, отраженные в таблице 3, мы можем предположить, что в основе [Иоанн АРАН], скорее всего, лежит один из верхнечепецких говоров северного наречия удмуртского языка.

### Сокращения

#### Языки и диалекты

|                                 |                              |                                |
|---------------------------------|------------------------------|--------------------------------|
| бес. — бесермянское наречие     | сев. — северное наречие      | сред. — срединные говоры       |
| пю. — периферийно-южный диалект | вч. — верхнечепецкий диалект | юж. — центрально-южный диалект |
|                                 | нч. — нижнечепецкий диалект  |                                |
|                                 | сч. — среднечепецкий диалект |                                |

#### Глоссы

|                                           |                                             |
|-------------------------------------------|---------------------------------------------|
| 1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо     | 2PST — второе (неочевидное) прошедшее время |
| 1PST — первое (очевидное) прошедшее время | ABL — аблатив                               |

ACC — аккузатив  
 AUX — вспомогательный глагол  
 CONV — деепричастие  
 DAT — датив  
 ELA — элатив  
 FUT — будущее время  
 ILL — иллатив  
 IMP — повелительное наклонение  
 INE — инессив  
 INF — инфинитив

INS — инструменталь  
 ITER — итератив  
 NEG — отрицательный глагол  
 PL — множественное число  
 POSS — посессивный показатель  
 PROL — пролатив  
 PRS — настоящее время  
 REFL — рефлексив  
 SBJV — сослагательное наклонение  
 SG — единственное число

#### Общие

диал. — диалект, диалектный  
 литер. — литературная форма, литературный язык  
 РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)  
 СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

#### Литература

- Алашеева 1982 — *А. А. Алашеева*. Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 91—105.
- Атаманов 1981 — *М. Г. Атаманов*. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии. Ижевск, 1981. С. 45—96.
- Безенова 2022а — *М. П. Безенова*. Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Т. III. Памятники письменности на пяти диалектах удмуртского языка конца XIX — начала XX в. М., 2022.
- Безенова 2022б — *М. П. Безенова*. Морфологические особенности первых печатных Евангелий на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2022, 4 (47). С. 7—27.
- Бушмакин 1969 — *С. К. Бушмакин*. Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка // СФУ. 1969, V. С. 59—69.
- Бушмакин 1971 — *С. К. Бушмакин*. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971.
- Вахрушев 1959 — *В. М. Вахрушев*. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки УдмНИИ. Вып. 19. Ижевск, 1959. С. 228—241.
- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.
- ДАУЯ 2013 — Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. III. Ижевск, 2013.
- Ившин 2012 — *Л. М. Ившин*. Первый опыт перевода Евангелия от Иоанна на удмуртский язык: графико-орфографический анализ // *Linguistica Uralica*. 2012, 4 (XLVIII). С. 276—283.
- Иоанн АРАН — От Иоанна святое Благовествование // СПбФ АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 244. 61 л.
- Иоанн РГИА — От Иоанна святое Благовествование // РГИА. Ф. 808. Оп. 1. 1821 г. Д. 177.
- Кайсина 2013 — *М. П. Кайсина*. Диалектная основа первого «Евангелия от Иоанна» на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2013, 1 (8). С. 115—126.
- Камитова, Ившин 2012 — *А. В. Камитова, Л. М. Ившин*. Особенности перевода «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык в начале XIX века // Урало-алтайские исследования. 2012, 2 (7). С. 14—24.
- Карпова 2018 — *Л. Л. Карпова*. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Дис. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2018.
- Кельмаков 1969 — *В. К. Кельмаков*. Кукморский диалект удмуртского языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.
- Кельмаков 1993 — *В. К. Кельмаков*. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск, 1993.
- Кельмаков 2006 — *В. К. Кельмаков*. Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006.
- Кириллова, Титова 2016 — *Л. Е. Кириллова, О. В. Титова*. О некоторых морфологических особенностях кильмезских говоров удмуртского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. XVI Всероссийская конференция (с международным участием): Материалы XVI Всероссийской конференции. Уфа, 2016. С. 43—45.
- Кондратьева 2011 — *Н. В. Кондратьева*. Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2011.
- Луппов 1905 — *П. Н. Луппов*. О первых вотских переводах источников христианского просвещения: Очерк из истории инородческих переводов. Казань, 1905.

- Лыткин 1931 — В. И. Лыткин. К происхождению суффикса множественного числа *jos* в удмуртском языке // На удмуртские темы: Сборник статей. Вып. II. М., 1931. С. 101—111.
- Люкина 2016 — Н. М. Люкина. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск, 2016.
- Максимов 2013 — С. А. Максимов. Комментарий к картам: «Мать», «Обращение к матери», «Бабушка — мать отца», «Бабушка — мать матери», «Отец», «Обращение к отцу», «Дедушка — отец отца», «Дедушка — отец матери», «Отчим» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. III. Ижевск, 2013. С. 204—258.
- Максимов 2018 — С. А. Максимов. О пермском словообразовательном суффиксе существительных с локальным значением — удм. *-ñi* // коми *-in* // *Linguistica Uralica*. 2018. Т. 54. Вып. 4. С. 270—285.
- Перевошиков 1959 — П. Н. Перевошиков. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959.
- Серебренников 1963 — Б. А. Серебренников. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Тараканов 1984 — И. В. Тараканов. Повелительное наклонение, формы его выражения и их значения в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск, 1984. С. 25—34.
- Тепляшина 1970 — Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М., 1970.
- УКК 2011 — Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): Тодослыко-дышетскон издание (Морфология удмуртского языка: Научно-учебное издание) / Отв. ред. Н. Н. Тимерханова. Ижевск, 2011.
- УКШГК 2022 — Удмурт кылын шонер гождьськонъя кыллюкам (Шонер гождьськонъя правилоосын): 55 000 пала кыл но кылтэчет (Орфографический словарь удмуртского языка (с правилами правописания): Около 55 000 слов и словосочетаний). Ижевск, 2022.
- Kövesi 1965 — M. Kövesi. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.
- Uotila 1933 — T. E. Uotila. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.
- Wichmann 1987 — Y. Wichmann. Wotjakischer Wortschatz // Aufgezeichnet Y. Wichmann; Bearb. T. E. Uotila, M. Korhonen; Hrsg. M. Korhonen. Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI).

## References

- Alasheeva 1982 — A. A. Alasheeva. Verkhnechepetskie govory I. In: Obraztsy rechi udmurtskogo yazyka. Izhevsk, 1982. S. 91—105. {A. A. Alasheeva. Upper-Chepts dialects I. In: Speech samples of the Udmurt language. Izhevsk, 1982. P. 91—105.}
- Atamanov 1981 — M. G. Atamanov. Grakhovskie govory yuzhnoudmurskogo narechiya. In: Materialy po udmurtskoi dialektologii. Izhevsk, 1981. S. 45—96. {M. G. Atamanov. Grakhov dialects of the South Udmurt dialect. In: Materials on Udmurt dialectology. Izhevsk, 1981. P. 45—96.}
- Bezenova 2022a — M. P. Bezenova. Kirillicheskie pamyatniki na ural'skikh i altaiskikh yazykakh. T. III. Pamyatniki pis'mennosti na pyati dialektakh udmurtskogo yazyka kontsa XIX — nachala XX v. Moskva, 2022. {M. P. Bezenova. Cyrillic monuments in the Uralic and Altaic languages. Vol. III. Monuments of writing in five dialects of the Udmurt language of the late 19<sup>th</sup> — early 20<sup>th</sup> century. Moscow, 2022.}
- Bezenova 2022b — M. P. Bezenova. Morfologicheskie osobennosti pervykh pechatnykh Evangelii na udmurtskom yazyke. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2022, 4 (47). S. 7—27. {M. P. Bezenova. Morphological features of the first printed Gospels in the Udmurt language. In: Ural-Altaic Studies. 2022, 4 (47). P. 7—27.}
- Bushmakina 1969 — S. K. Bushmakina. Morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka. In: Sovetskoye finno-ugrovedeniye. 1969, V. S. 59—69. {S. K. Bushmakina. Morphological features of the Middle Eastern dialects of the Udmurt language. In: Soviet Finno-Ugric Studies. 1969, V. P. 59—69.}
- Bushmakina 1971 — S. K. Bushmakina. Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka. Dis. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1971. {S. K. Bushmakina. Phonetic and morphological features of the Middle Eastern dialects of the Udmurt language. PhD thesis. Tartu, 1971.}
- DAUYA 2013 — Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka: Karty i kommentarii. Vyp. III. Izhevsk, 2013. {Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue III. Izhevsk, 2013.}
- GSUYA 1962 — Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: Fonetika i morfologiya. Izhevsk, 1962. {Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology. Izhevsk, 1962.}
- Ioann ARAN — Ot Ioanna svyatoe Blagovestvovanie. In: SPbF ARAN. F. 94. Op. 1. D. 244, 61 l. {From John the Holy Gospel. In: // St. Petersburg Branch of the Archives of the RAS. Fund 94. List 1. Case 244. 61 sheets.}
- Ioann RGIA — Ot Ioanna svyatoe Blagovestvovanie. In: RGIA. F. 808. Op. 1. 1821 g. D. 177. {From John the Holy Gospel. In: Russian State Historical Archive (St. Petersburg). Fund 808. List 1. 1821. Case 177.}
- Ivshin 2012 — L. M. Ivshin. Pervyi opyt perevoda Evangelii ot Ioanna na udmurtskii yazyk: grafiko-ortofograficheskii analiz. In: Linguistica Uralica. 2012, 4 (XLVIII). S. 276—283. {L. M. Ivshin. The first experience of translating the Gospel of John into the Udmurt language: graphic and spelling analysis. In: Linguistica Uralica. 2012, 4 (XLVIII). P. 276—283.}

- Kaisina 2013 — M. P. Kaisina. Dialektnaya osnova pervogo // “Evangeliiya ot Ioanna” na udmurtskom yazyke. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2013, 1 (8). S. 115—126. {M. P. Kaisina. Dialect basis of the first “Gospel of John” in the Udmurt language. In: Ural-Altaic Studies. 2013, 1 (8). P. 115—126.}
- Kamitova, Ivshin 2012 — A. V. Kamitova, L. M. Ivshin. Osobennosti perevoda “Evangeliiya ot Ioanna” na udmurtskii yazyk v nachale XIX veka. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2012, 2 (7). S. 14—24. {A. V. Kamitova, L. M. Ivshin. Features of the translation of the “Gospel of John” into the Udmurt language at the beginning of the 19<sup>th</sup> century. In: Ural-Altaic Studies. 2012, 2 (7). P. 14—24.}
- Karpova 2018 — L. L. Karpova. Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie. Dis. ... dokt. filol. nauk. Izhevsk, 2018. {L. L. Karpova. Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language: formation and current status. Doctoral thesis. Izhevsk, 2018.}
- Kel'makov 1969 — V. K. Kel'makov. Kukmorskii dialekt udmurtskogo yazyka. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1969. {V. K. Kel'makov. The Kukmor dialect of the Udmurt language. PhD thesis. Moscow, 1969.}
- Kel'makov 1993 — V. K. Kel'makov. Formirovanie i razvitie fonetiki udmurtskikh dialektov. Izhevsk, 1993. {V. K. Kel'makov. Formation and development of phonetics of Udmurt dialects. Izhevsk, 1993.}
- Kel'makov 2006 — V. K. Kel'makov. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. 2-e izd. Izhevsk, 2006. {V. K. Kel'makov. Short course of Udmurt dialectology: Textbook for higher educational institutions. 2nd ed. Izhevsk, 2006.}
- Kirillova, Titova 2016 — L. E. Kirillova, O. V. Titova. O nekotorykh morfologicheskikh osobennostyakh kil'mezskikh govorov udmurtskogo yazyka. In: Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii. XVI Vserossiiskaya konferentsiya (s mezhdunarodnym uchastiem): Materialy XVI Vserossiiskoi konferentsii. Ufa, 2016. S. 43—45. {L. E. Kirillova, O. V. Titova. On some morphological features of the Kilmez dialects of the Udmurt language. In: Actual problems of dialectology of the languages of the peoples of Russia. XVI All-Russian Conference (with international participation): Materials of the XVI All-Russian Conference. Ufa, 2016. P. 43—45.}
- Kondrat'eva 2011 — N. V. Kondrat'eva. Slovoizmenenie imeni sushchestvitel'nogo v udmurtskom yazyke (grammaticheskie kategorii padezha i chisla). Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Izhevsk, 2011. {N. V. Kondratyeva. Variation of nouns in the Udmurt language (grammatical categories of case and number). Summary of the Doctoral thesis. Izhevsk, 2011.}
- Kövesi 1965 — M. Kövesi. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.
- Luppov 1905 — P. N. Luppov. O pervykh votskikh perevodakh istochnikov khristianskogo prosveshcheniya: Ocherk iz istorii inorodcheskikh perevodov. Kazan', 1905. {P. N. Luppov. On the first Votyak translations of the sources of christian enlightenment: An essay on the history of foreign translations. Kazan, 1905.}
- Lytkin 1931 — V. I. Lytkin. K proiskhozhdeniyu suffiksa mnozhestvennogo chisla “jos” v udmurtskom yazyke. In: Na udmurtskie temy: Sb. statei. Vyp. II. Moskva, 1931. S. 101—111. {V. I. Lytkin. On the origin of the plural suffix “jos” in the Udmurt language. In: Udmurt topics: Collection of papers. Vol. II. Moscow, 1931. P. 101—111.}
- Lyukina 2016 — N. M. Lyukina. Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan. Izhevsk, 2016. {N. M. Liukina. Phonetic and morphological features of the language of the Lekma and Yunda Besermians. Izhevsk, 2016.}
- Maksimov 2013 — S. A. Maksimov. Kommentarii k kartam: “Mat”, “Obrashchenie k materi”, “Babushka — mat' ottsa”, “Babushka — mat' materi”, “Otets”, “Obrashchenie k ottsu”, “Dedushka — otets ottsa”, “Dedushka — otets materi”, “Otchim”. In: Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka: Karty i kommentarii. Vyp. III. Izhevsk, 2013. S. 204—258. {S. A. Maksimov. Commentary on the cards: “Mother”, “Appeal to mother”, “Grandmother is the mother of the father”, “Grandmother is the mother of the mother”, “Father”, “Appeal to the father”, “Grandfather is the father of the father”, “Grandfather is the father of the mother”, “Stepfather”. In: Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue III. Izhevsk, 2013. P. 204—258.}
- Maksimov 2018 — S. A. Maksimov. O permskom slovoobrazovatel'nom suffikse sushchestvitel'nykh s lokal'nym znacheniem — udm. *-ñi* // komi *-in*. In: Linguistica Uralica. 2018. T. 54. Vyp. 4. S. 270—285. {S. A. Maksimov. On the Permian word-formation suffix of nouns with local meaning — udm. *-ñi* // komi *-in*. In: Linguistica Uralica. 2018. Vol. 54. Issue 4. P. 270—285.}
- Perevoshchikov 1959 — P. N. Perevoshchikov. Deeprichastiya i deeprichastnye konstruksii v udmurtskom yazyke. Izhevsk, 1959. {P. N. Perevoshchikov. Adverbs and adverbial constructions in the Udmurt language. Izhevsk, 1959.}
- Serebrennikov 1963 — B. A. Serebrennikov. Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov. Moskva, 1963. {B. A. Serebrennikov. Historical morphology of the Permian languages. Moscow, 1963.}
- Tarakanov 1984 — I. V. Tarakanov. Povelitel'noe naklonenie, formy ego vyrazheniya i ikh znacheniya v udmurtskom yazyke. In: Voprosy grammatiki udmurtskogo yazyka. Izhevsk, 1984. S. 25—34. {I. V. Tarakanov. The imperative mood, forms of its expression and their meanings in the Udmurt language. In: Questions of grammar of the Udmurt language. Izhevsk, 1984. P. 25—34.}
- Tepliyashina 1970 — T. I. Tepliyashina. Yazyk besermyan. Moskva, 1970. {T. I. Tepliyashina. Beserman language. Moscow, 1970.}

UKK 2011 — Udmurt kyllehn kylkabtodosehz (morfologiez): Todoslyko-dyshetskoy izdanie (Morfologiya udmurtskogo yazyka: Nauchno-uchebnoe izdanie) // Otv. red. N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011. {Morphology of the Udmurt language: Scientific and educational publication // Ed. N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011.}

UKSHGK 2022 — Udmurt kylyn shoner gozh"yas'kon"ya kylllyukam (Shoner gozh"yas'kon"ya praviloosyn): 55000 pala kyl no kyltehchet (Orfograficheskii slovar' udmurtskogo yazyka (s pravilami pravopisaniya): Okolo 55 000 slov i slovosochetanii). Izhevsk, 2022. {Spelling dictionary of the Udmurt language (with spelling rules): About 55 000 words and phrases. Izhevsk, 2022.}

Uotila 1933 — T. E. Uotila. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.

Vakhrushev 1959 — V. M. Vakhrushev. Ob osobennostyakh govorov severnogo dialekta udmurtskogo yazyka. In: Zapiski UdmNII. Vyp. 19. Izhevsk, 1959. S. 228—241. {V. M. Vakhrushev. About the peculiarities of the dialects of the Northern dialect of the Udmurt language. In: Notes of Udmurt Research Institute. Issue 19. Izhevsk, 1959. P. 228—241.}

Wichmann 1987 — Y. Wichmann. Wotjakischer Wortschatz // Aufgezeichnet Y. Wichmann; Bearb. T. E. Uotila, M. Korhonen; Hrsg. M. Korhonen. Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI).